

СОБЧАК Барбара, доктор гуманитарных наук в области языкознания, преподаватель кафедры риторики, прагмалингвистики и журналистики института польской филологии при Университете им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша). Автор 55 научных публикаций*

ВУЙЧАК Моника, кандидат гуманитарных наук в области литературоведения, преподаватель кафедры славистики и культурологии института славянской филологии при Университете им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша). Автор 36 научных публикаций**

ОБРАЗЫ РОССИИ: СТРАТЕГИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ РЕПОРТАЖЕ

Понятие «Россия» в Польше представляет собой пароль, который запускает обширный и разнообразный, но прежде всего эмоционально сложный комплекс идей и смысловых ассоциаций. Отчасти он является следствием художественных образов. Ввиду сложности польско-российских отношений Россия и русские на протяжении веков становились объектом интереса польских писателей. В течение последних 30 лет к этой теме часто обращались репортеры, пытаясь понять и описать феномен России. Анализ текстов трех репортеров – Рышарда Капуцинского, Яцека Хуго-Бадера и Мариуша Вилька – позволяет выделить определенные схемы построения нарратива о России в Польше. Эти схемы обусловлены в первую очередь позицией репортера по отношению к миру: 1) позиция ревизора – того, кто прибыл в Россию, чтобы проверить истинность, а по сути, подтвердить свои представления о мире; 2) позиция искателя впечатлений, который путешествует с места на место в поиске людей, переживаний и эмоций; 3) позиция открывателя, для которого Россия – это реальность, в которую необходимо погрузиться, чтобы узнать и описать ее. С указанными позициями связаны определенные стратегии описания России. Выбор репортажа не случаен. Репортаж благодаря документальному характеру и предъявляемым к нему требованиям объективности и верности предмету нарратива воспринимается читателями как важный и достоверный источник информации. Исчезает необходимость в дискуссии о такого рода посланиях, что делает репортаж эффективным инструментом создания картины мира.

Ключевые слова: польский репортаж, польско-российские отношения, образы России, нарратив, ревизор, искатель, открыватель.

*Адрес: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza / Adam Mickiewicz University /, ul. Wieniawskiego 1, 61-712, Poznań, Republic of Poland; e-mail: bsobczak@amu.edu.pl

**Адрес: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza / Adam Mickiewicz University /, ul. Wieniawskiego 1, 61-712, Poznań, Republic of Poland; e-mail: monika8@amu.edu.pl

Для цитирования: Собчак Б., Вуйчак М. Образы России: стратегии представления России в современном польском репортаже // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 3. С. 41–54. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.41

Россия ввиду близкого соседства и сложных отношений с Польшей на протяжении веков служила для последней критерием сопоставления, а связи с Россией были одной из важнейших тем польской литературы последних двух столетий, равно как и после 1989 года. С начала 1990-х годов в Польше было издано около 150 книг на российскую тематику, хотя, казалось бы, не так уж много нового можно о России рассказать. Однако в данном случае речь идет не об оригинальности, а о самопонимании. Как справедливо заметил Пшемислав Чаплиньский, мы в Польше смотрим на Россию, чтобы понять себя. Мы рассказываем о России, чтобы построить нарратив о самих себе. Россия – это вызов, переменная польской идентичности, система соотношений, без которой невозможно идентифицировать себя, обозначить свое место в Европе и наметить собственное будущее. Мы хотим знать, какова суть России, в каком состоянии она находится, представляет ли она для нас угрозу, может ли измениться, можем ли мы найти с ней общий язык, а ответы на эти вопросы мы ищем среди прочего в литературе [1, s. 14–16]. Россия доходит до нас прежде всего в образах, представленных в романах, исторических и публицистических текстах [2] и в репортажах. Эти образы, в свою очередь, влияют на формирование общественных взглядов, определяют отношение к русским, подтверждают или корректируют существующие представления и стереотипы. Они раскрывают то, как мы воспринимаем Россию, какие вопросы мы ей задаем и какие ответы нас удовлетворяют.

Особую роль в формировании образа России играет репортаж. С точки зрения генологии репортаж находится на пересечении публицистики и художественной литературы, принадлежит к так называемой литературе факта. Понятие «литература факта» впервые было заявлено в России и сформулировано писателями из сообщества журнала «Новый ЛЕФ» [3, 4]. Автор репортажа раскрывает реальные события, а также сопутствующие им обстоятельства, при условии что он был непосредственным свидетелем этих событий или получил

сведения от других очевидцев или из документальных источников. События возникают не в мыслях автора репортажа, а извне. Также он не влияет на их процесс или его влияние ограничено. От художественной литературы репортаж отличается требованием подлинности, но между фактами, которые уже свершились, и изложенными фактами происходит процесс трансформации: физический факт (F) переходит в факт, представленный читателю (F') [5, s. 13–16, 110–115; 6, s. 933].

На данную трансформацию влияют как минимум три типа факторов. Прежде всего, это источники информации. Репортер может быть участником событий или их наблюдателем, он также может знать о них из историй других свидетелей, дневников, газетных заметок, официальных источников и т. д. Если в первом случае он ограничен собственным восприятием, то во втором все зависит от того, каким образом другие люди расскажут ему о мире, какую форму они придадут событиям. Вторым фактором трансформации выступает выбор информации: автор всегда стремится получить максимальный объем информации, он выбирает из хода событий только определенные сюжеты, диалоги и ситуации. Выделяя одно, он исключает другое. Трансформация также выполняется на этапе монтажа – соединения материалов из различных источников, и, хотя задача репортера состоит в том, чтобы сообщить факты, соответствующие реальности, он, как никто другой, обладает возможностью заморозить мир в описаниях, претендующих на достоверность, но на деле являющихся только одной из интерпретаций мира.

С одной стороны, репортерские истории о мире – это всегда истории с определенной точки зрения, проходящие сквозь фильтр знаний, опыта, а также предубеждений писателя. Это рассказы, усложненные языком и особым стилем, обусловленными различными мотивами. С другой стороны, принято считать, что способ представления событий в репортаже должен характеризоваться объективностью, подлинностью и верностью предмету повествования [7, s. 438].

Литература факта, к которой относится репортаж, по утверждению Павла Заяса, является жанром «нацеленным не на простое сходство, а на сходство с истиной, не на иллюзию реальности, а на картину реальности» [8, s. 19]. В литературе предполагается заключение определенного соглашения между автором репортажа и читателем, которое принято называть после Филиппа Лежена «референциальным пактом» (он использовал данное понятие в описании автобиографических текстов: [9]). Это своего рода гарантия достоверности представленных фактов. Читатель полагает, что в репортаже дается информация о некоторой объективно существующей реальности, проходящая верификацию.

Убеждение и авторитет отправителя, а также то, что знание репортера подкреплено его опытом, способствуют тому, что репортаж является исключительно эффективным инструментом формирования способа мышления о мире и людях. Репортажи пишутся не туристами, а журналистами, и, как заметил Рышард Капуцинский, «репортерская поездка требует упорного труда и большой теоретической подготовки. Получения знаний о тех местах, куда отправляешься» [10, s. 13]. Читатель воспринимает образы, созданные в репортажах, как отображение реальности, забывая, что репортаж относится к идеологическим текстам, которые, как пишет Дебби Лайл, «маскируют процессы дискурсивного упорядочивания и предлагают наблюдение в качестве простого и непредвзятого способа документирования стабильной, единственно возможной и упорядоченной реальности» [11, p. 12].

Что касается проблемы построения образа России и русских в современных польских репортажах, мы признаем тезис о том, что личность репортера и его точка зрения на мир влияют на образы России, с которыми читатели проводят ассоциации, и на то, как они их понимают. Эти показатели связаны с конкретными стратегиями описания мира. Говоря о стратегии, мы предполагаем поведение отправителя сообщения в процессе коммуникации, где для достижения определенных эффектов сообщения некоторые элементы этого процесса подчеркиваются или

изменяются, особенно содержание и форма сообщения [12].

Мы проанализировали тексты трех авторов: «Империю» Рышарда Капуцинского, «Белую горячку» Яцека Хуго-Бадера, а также «Волок», «Волчий блокнот», «Дом над Онего» Мариуша Вилька. Указанных авторов, во многом очень разных, объединяет не только то, что все они пишут о России (и о странах бывшего Советского Союза), полагаясь на личный опыт коротких и длительных путешествий по России или – в случае М. Вилька – постоянное проживание, но также и то, что их тексты сначала появились в газетах и только потом были опубликованы в виде книг. Р. Капуцинский и Я. Хуго-Бадер печатались в «Газете Выборчей», а М. Вильк – в «Rzeczpospolita» и издаваемой в Париже «Культуре». Это, несомненно, повлияло на их восприятие. Можно смело сказать, что это канонические тексты, известные не только среди тех, кто в Польше интересуется Россией, ищет информацию о ней или планирует поездку за восточную границу. Их особое значение также подтверждается тем фактом, что все они были переведены на несколько и даже – в случае с «Империей» – на несколько десятков иностранных языков, включая английский, немецкий и русский. Их территория распространения выходит далеко за пределы Польши.

Рышард Капуцинский – ревизор. Кажется, одна из наиболее серьезных проблем авторов, пишущих о России, – приезд в страну с целым багажом убеждений, стереотипов и представлений, предшествующих восприятию, направляющих восприятие, обуславливающих выбор информации и упорядочивание того, что видит репортер.

Это метко описал М. Вильк: «поначалу все просто и вписывается в стереотип, вынесенный из дома (разговоры бывших жителей польского Львова за рождественским столом), из книг (например, Кухаржевского) или из рассказов тети, что съездила на трехдневную экскурсию в Ленинград (грязь, вонь, пресловутая водка...). Потом, чем дальше здесь находишься, тем лучше ощущаешь нюансы, иронию и подтексты. Постепенно схватываешь дело на полуслове и не требуешь,

чтобы слово ему соответствовало. <...> Наконец, ловишь себя на том, что все чаще думаешь по-русски: – М-да-а»¹.

Одни, как Вильк, пробуют выйти за пределы шаблона и начинают чувствовать нюансы, другие, как Р. Капуцинский, остаются в безопасной зоне и настроены только на подтверждение уже сформированных убеждений.

Р. Капуцинский соприкоснулся с темой России в 1967–1993 годах, немногословно рисуя закат советской империи, а также время до и после ее падения. Он был, в частности, на Колыме, в бывших южных республиках СССР, путешествовал по Сибири Транссибирской магистралью. Выбор такого способа путешествия соответствует избранному им методу описания России – методу «охвата целого», посредником которого становятся метафора, символ и обобщение.

Капуцинский сознательно выбирает такую стратегию, подчеркивая: «О России легче всего говорить в абстрактном ключе. “Россия ищет свой путь”, “Россия говорит – нет!”, “Россия сворачивает вправо” и т. д. <...> Избежать этого абстрактного подхода не удастся. Об огромном масштабе происходящих событий можно говорить, только используя язык и понятия общего характера, обобщающие, действительно абстрактные, сознавая при этом, насколько велика вероятность угодить в ловушку упрощений и легко опровергаемых тезисов»².

Нарратив Капуцинского вписывается в парадигму исторической игры, ведущейся в Польше и описанной Чаплинским: ее действие происходит на оси Восток – Запад. Она выкристаллизовалась в XVIII веке, а в XX веке была заморожена. На нее накладываются представления о возможных путях развития

Польши. В соответствии с такими представлениями Восток ассоциируется с автократическими формами управления государством, потерянностью человека перед лицом государственных структур, несправедливым распределением благ и насилием во внешней политике. Запад означает демократию, законы, защищающие человека в конфронтации с властями, и рыночную экономику, призванную обеспечить каждому равные шансы на обогащение и заработок [1, s. 12–13].

Для Польши, которая всегда воспринимала излишнее сближение с Востоком как угрозу, особенно как угрозу военного вторжения, единственным решением становятся уклонение от Востока и сближение с Западом. Следовательно, польское участие в этой игре заключается в том, чтобы дистанцироваться от России и подчеркнуть отличия между ней и Польшей. Это прекрасно видно в «Империи», где, как показывает Максим Вальдштейн, Капуцинский подбирает материал таким образом, чтобы доказать цивилизационную отсталость русских и – по принципу контраста – увидеть в Польше настоящую Европу, а в России – настоящего Другого. Поэтому Россия в «Империи» последовательно представляется как коллективистская, авторитарная и националистическая, а Европа – как индивидуалистическая и либеральная. Российское общество иррационально и пассивно, тогда как человек Запада рационален, прагматичен и активен [13, p. 481–499]. Данный образ дополняется разницей в политических позициях. Для граждан Европы власть – это конкретные люди, которые наделены демократическим мандатом и отчитываются за свои действия. Для россиян власть имеет сакральную природу³, что, по мнению Капуцинского, не оставляет надежды

¹ Вильк М. Волок / пер. И. Адельгейм. СПб., 2008. С. 154.

² Капуцинский Р. Империя / пер. К. Старосельской, С. Ларина. М., 2010. С. 286.

³ Ср.: «Царя почитают Богом, и это в буквальном смысле. На протяжении столетий, на протяжении всей истории России. Только в XIX веке был издан царский указ: убрать из церквей портреты царя. Царский указ! Без него никто не посмел бы притронуться к портрету-иконе»; «Царь есть Бог – эта двойственная природа Верховной Власти в России и обуславливала ее стабильность и силу. Власть здесь была всемогуща, ибо получила санкцию от Небес. Царь был посланцем и помазанником Всевышнего, больше того – его олицетворением, земным воплощением <...> Большевики силятся вписаться в эту традицию. <...> Большевизм – это очередной самозванец, но зашедший дальше прежних: он уже не земное воплощение Бога, он – Бог». См.: Капуцинский Р. Указ. соч. С. 88–89, 105.

на демократизацию Империи: «...не верю, будто можно демократизировать Империю, которая создавалась сотни лет путем захвата и аннексий»⁴.

Капущинский приезжает в Россию с багажом знаний, почерпнутых из книг и, как отмечает П. Заяс, больше доверяет книгам, чем собственным наблюдениям. В первой части «Империи» по имени и фамилии названо только 15 информаторов, причем их основная функция – создание исходной точки для общих рассуждений, основанных на ранее прочитанном (список книг, которые упоминает автор, насчитывает 60 позиций). В результате в «Империи» мы встречаем поэтику «читательского дневника», а выражением личного опыта репортера становятся вторичные литературные свидетельства, собираемые старательней, чем голоса местного населения [14, s. 224]. Для автора «Империи» метафоры и символы оказываются более важными, чем фактография.

Когда Капущинский пишет об Армении, он вводит символ книги, призванной сохранить идентичность народа, способной передать традицию, которую соседние народы стремятся уничтожить вместе с государственностью. Вспоминая Грузию, он рисует образ изготовления коньяка. Чтобы показать механизмы диктатуры, Капущинский использует образ церкви Христа Спасителя, которая была снесена по приказу Сталина. Символами закрытости, порабощения – в т. ч. ментального – русских становятся для Капущинского колючая проволока и заграждения, а символом будней – грязь: «Заграждения. Проволочные заграждения – вот что сразу бросается в глаза. Они торчат из снега, будто возносясь над ним, – ровные бесконечные ряды колючей проволоки. <...> Да, они говорят: будь осторожен, ты пересекаешь границу

другого мира. Отсюда уже не выберешься, не убежишь. Это мир, где не шутят, мир приказов и послушания. Научись подчиняться. Научись смирению, научись занимать как можно меньше места в пространстве. Лучше всего, выполняй то, что от тебя требуют. Лучше всего, помалкивай. Лучше всего, не задавай вопросов»⁵.

По словам Капущинского, русские живут в грязи (или между грязью и льдом), а построенный ими мир – это временка, которую можно только полностью перестроить. Ничто здесь не работает как следует, и русские не в состоянии создать ничего прочного: «Заложный район в Якутске – цельная структура. Бедность и грязь здесь сливаются воедино, все элементы однообразного пейзажа взаимосвязаны, взаимозависимы. Куда ни кинь глазом, не увидишь никаких контрастов, ни единый признак благосостояния не нарушает общей картины убожества. <...> Нельзя, например, добиться, чтобы обувь была чистая – вездесущая грязь не позволит»⁶; «Везде – в Воркуте, в Норильске, в Магадане – поражает убогость лагерного мира, его граничащая с нищетой бедность, нескладные, сколоченные на скорую руку постройки, неряшливость и примитивность. Этот мир слеплен из заплат и лохмотьев, сбит обыкновенным топором ржавыми гвоздями, обвязан пеньковыми веревками, стянут проволокой»⁷.

Принятая Капущинским стратегия описания России заключается в обобщающих выводах, сделанных на основании конкретного индивидуального опыта, поверхностных наблюдений за различным – воспринимаемым им как другое или необычное – поведением русских (например, за тем, как люди быстро едят), а иногда и собственной интуиции: «Что-то в этом январском сибирском пейзаже тебя сковывает, гнетет и пугает. Прежде всего – его неохватность, поистине океанская беспредельность.

⁴Капущинский Р. Указ. соч. С. 109.

⁵Там же. С. 28.

⁶Там же. С. 177–178.

⁷Там же. С. 200–201.

Земля здесь не имеет конца, мир не имеет конца. Человек не создан для такой *безмерности*. <...> **необъятные пространства России отрицательно влияют на образ мыслей ее обитателей** (выделено нами. – Б. С., М. В.). От них не требуется ни самодисциплины, ни самодеятельности, ни создания динамичной, полнокровной культуры. Все расплывается, растворяется, тонет в этой бесформенной безграничности»⁸.

На уровне языка обобщение поддерживают универсальные квантификаторы: «всегда», «везде», «все»: «Пассажиры устремляются к выходу, и, как это **всегда** бывает в Империи, едва только где-нибудь появляется какой-то товар, тотчас же образуется возбужденное, орущее скопище людей и начинается сражение»⁹; «В этой стране **все** задумано, установлено, устроено таким образом, чтобы обычный серый человек, что бы он ни сделал, в какое бы положение, в какую передрыгу ни попал, обязательно почувствовал себя виноватым (выделено нами. – Б. С., М. В.)»¹⁰.

Капуцинский охотно принимает на себя роль aukториального нарратора, т. е. того, кто имеет неограниченное знание о представляемых событиях и героях, но остается за пределами описываемого мира, сохраняет дистанцию между ним и собой: «Я вижу, как человек, только вчера воротившийся из Москвы, обольщает и обманывает этих несчастных, продрогших людей, которые неделями не видят дневного света, этот человек, который вчера вернулся из Москвы, обманывает и облапошивает. Вижу, но ничего не могу поделать. Не могу же я встать и крикнуть: “Люди, не верьте ему!”»¹¹

Эта роль позволяет ему интерпретировать мысли своих героев, в результате чего формула «я догадываюсь, что я знаю, о чем они думают» доминирует в реконструкции восприятия обычных людей, например, так он пишет о солдате, проверяющем его документы: «В его светлых глазах я замечаю сосредоточенность и чувствую, что он лихорадочно соображает. Я догадываюсь, я знаю, что его сейчас занимает: он ищет врага»¹².

Ключевым элементом выбранной Капуцинским стратегии описания России является использование матрицы, разработанной им во время путешествий в другие части мира, где он наблюдал общества перед, во время или сразу после революции. Поэтому он не раз делает сравнения с третьим миром: «За последние годы Тбилиси сильно изменился. Грузия, подобно другим южным регионам Империи, приняла типичную для всего Третьего мира модель развития: стремительное неестественное расширение столицы ценой запустения и дальнейшего обнищания провинции»¹³; «Потом он усадил меня в совершенно разбитый “москвич” <...> и мы поехали по городу [Еревану]. Я сразу ощутил себя в привычном Третьем мире, то есть так, словно бы оказался на улице Тегерана, в Калькутте или в Лагосе, где никто не соблюдает дорожных правил, где нет никаких светофоров и указателей, однако это безумное, хаотическое, сумасшедшее движение обладает какой-то внутренней (скрытой от глаз европейца) логикой и смыслом»¹⁴.

Ярлык третьего мира – стигматизация, синоним «хужести». Это говорит о покровительственном отношении репортера к описываемой действительности. П. Чаплинский видит в этом

⁸Капуцинский Р. Указ. соч. С. 36, 42.

⁹Там же. С. 116.

¹⁰Там же. С. 179.

¹¹Там же. С. 153.

¹²Там же. С. 89.

¹³Там же. С. 118.

¹⁴Там же. С. 218.

стратегию терциаризации¹⁵, которая позволила Капуцинскому подчеркнуть культурную дистанцию между Россией и Польшей и – в фигуральном смысле – «переместить Польшу в прихожую Первого мира» [1, с. 32].

Капуцинский пишет о России с позиции ревизора. Он привез с собой список вопросов, а также стереотипов и ожиданий, которые хочет подвергнуть проверке, а точнее, подтвердить, поскольку он знает, как есть и как должно быть, и в своем нарративе ищет то, что подтвердит его знание. Нарратив получил свое направление прежде, чем автор прибыл на место. Взгляд Капуцинского на Россию – взгляд издалека, строгий взгляд того, кто чувствует собственное превосходство. Он – посланник другого мира, проводящий проверку от имени этого мира. Образ России, который он конструирует, в результате оказывается собранием стереотипных суждений о России и русских, лишь немного расширенным за счет личных наблюдений.

Яцек Хуго-Бадер – искатель впечатлений. Другую позицию занимает Я. Хуго-Бадер. Он едет в Россию, прочитав книгу журналистов Михаила Васильева и Сергея Глущева «Репортаж из XXI века» (1957), чтобы проверить, насколько созданная полвека назад версия будущего лада и счастья соответствует действительности. Хуго-Бадер отправляется в путешествие прежде всего для того, чтобы встретиться с людьми, запечатлеть их чувства и эмоции. Он хочет узнать, чем живут и как думают русские. Он не советолог, плохо знает русский язык, но этот недостаток он решает компенсировать, сделав нечто необычное. Его первая

книга о России «Белая горячка» – это рассказ об автопутешествии из Москвы во Владивосток и обратно вдоль границы с Казахстаном, Монголией и Китаем. Хуго-Бадер проехал 13 тыс. км на купленном в Москве внедорожнике УАЗ. Необычность такого путешествия и его рискованность, которые репортер не раз подчеркивает, подтверждают распространенное в Польше убеждение, что Россия – дикая и опасная страна: «В 2007 году в блоге Dark Roasted Blend интернет-пользователи со всего мира выбирали самые опасные и изобилующие жертвами дороги на нашей планете. Из шести выбранных три находятся в России <...> две я имел случай самолично испробовать»¹⁶; «Я, видимо, был единственным сумасшедшим, который через этот страшный океан суши передвигался без оружия, к тому же в одиночку»¹⁷.

Репортерское путешествие на выживание указывает на то, что автором принята другая парадигма знакомства с Россией и ее описания, и это действительно так: Хуго-Бадер рассматривает Россию как объект исследования, дающий пищу для переживаний и адреналин. Поэтому автор концентрируется на необычном, непонятном, другом, особенном, отличающемся от известного и близкого ему. Можно сказать, что Хуго-Бадер наделяет Россию некой экзотичностью. Это отражено в выборе трассы для поездки и информаторов, среди которых хиппи, рэперы, наркоманы, члены религиозной секты последователей Виссариона, торговцы человеческими органами и живым товаром, московские бомжи. Стратегия экзотизации выражается прежде всего в подборе информации,

¹⁵П. Чаплинский понимает терциаризацию как наблюдение за действительностью с перспективы развитого мира (Европы, США), основанной на универсализации политических и экономических стандартов, принятых в зрелых либеральных демократиях: ослабление значения культурных и географических различий при подчеркивании схожести экономического и политического положения стран разных континентов; заострение внимания на симптомах и/или закономерностях недоразвитости демократии и экономики; анализ связей государственных органов с общественным поведением; рассмотрение социальных процессов в категориях внутренней деколонизации [1, с. 27].

¹⁶*Hugo-Bader J.* Biała gorączka. Wołowiec, 2009. S. 20; См. также: *Хуго-Бадер Я.* Белая горячка (фрагменты) / пер. Ю. Чайникова. URL: <https://umlautmestodeystviya.wordpress.com/2012/11/14/goraczkaexcerpt/> (дата обращения: 01.05.2019).

¹⁷*Hugo-Bader J.* Op. cit. S. 11.

что позволяет автору «Белой горячки» подчеркнуть экономическую, интеллектуальную и культурную отсталость страны и людей.

Автор выделяет в данном контексте роль православной церкви, которую он рассматривает как реликт прошлого и символ восточной отсталости: «Единственным противником кампании по борьбе со СПИДом в России является православная церковь. Она выступает против акции замены использованных шприцев и игл на чистые. Еще громче она протестует против раздачи презервативов и кампании, пропагандирующей их использование. Церковь считает, что информирование молодежи о презервативах увеличивает угрозу распространения эпидемии, поскольку склоняет молодых к беспорядочному сексу. Православное духовенство считает СПИД наказанием за грехи, посланным гомосексуалам, наркоманам и проституткам»¹⁸.

Российская духовность, в свою очередь, описана автором через призму шаманских ритуалов и эксцентричных явлений квазирелигиозного характера, таких как, например, секта почитателей президента Путина. Обращение к шаманизму призвано подчеркнуть архаичный характер российской религиозности, а также представляется как некий курьез. За 800 р. в России можно получить, по выражению Хуго-Бадера, *full service*, т. е. ритуал очищения от злой энергии и опеку предков¹⁹. Еще одним способом придания экзотичности является обращение к топосу *locus horridus*. Россия характеризуется Хуго-Бадером как дикий, опасный, грозный, враждебный край, где царит закон силы: властью обладает тот, кто сильнее и лучше вооружен. Это край с пугающей, но в то же время притягательной природой, особенно на бескрайних сибирских просторах. Но дикая Россия – это не только далекая Сибирь, но и Москва – город мафии и гангстеров. В этой

«дикой стране» живут «дикие люди» – опасные, вооруженные, связанные с преступным миром, не чуждые стрельбы, убийств и рэкета²⁰.

Россия исключительно враждебна к самим русским, находящимся в плену у абсурдной, с точки зрения Запада, бюрократической машины, основанной на связях, взяточничестве и непонятных правилах, поэтому для западного человека в России даже такая простая процедура, как отправка посылки, становится экзотическим опытом²¹. Так выстроенный образ действительности призван удивить читателя, воспитанного в западной культуре, но также может пугать и беспокоить.

Хуго-Бадер – собиратель, искатель впечатлений, он собирает симптомы будничной жизни, приобретает опыт, входит в прямой контакт с жителями России, не знает языка, но слушает других и учится у них, не отгораживается от ежедневных дел, хочет, как он заявляет в начале книги, «слиться с фоном, не выделяться, не бросаться в глаза, проскакать незамеченным»²². У него есть знания, представления о России, но он их проверяет на себе, тестирует. Ярким примером этого является репортаж «Бомжиха», в котором автор договаривается с бездомной женщиной провести с ней сутки. Но такая открытость по отношению к Другому остается чисто внешней. Хуго-Бадер не перестает оценивать, выступать с позиций знающего человека, знающего обо всем даже лучше местных. Описывая русских, он в первую очередь подчеркивает их эмоциональные, а не интеллектуальные качества, такие как сентиментальность, меланхолия и гостеприимство, – последнее неразрывно связано с употреблением алкоголя (показательно само название книги – «Белая горячка»). Русский у Хуго-Бадера – это потерянный человек, убегающий от мира с помощью психоактивных веществ,

¹⁸Hugo-Bader J. Op. cit. S. 89.

¹⁹Ibid. S. 137–151.

²⁰Ibid. S. 23–28.

²¹Ibid. S. 203–205.

²²Ibid. S. 16.

а на выстроенный таким образом объект проще смотреть издали и свысока.

Взгляд свысока репортера проявляется в оценочных суждениях («Разгильдяи. Перед поездкой они должны были узнать, как пережить зимнюю ночь в тайге»²³) и категоризации (уверенность подчеркивается словами «всегда», «никогда»). То, что должно подтвердить авторитет автора, – его знания и опыт. Его знания основаны на фактах, цифрах, статистических данных, которые он часто приводит²⁴, принимая на себя роль авторитета и учителя (дает советы тем, кто хочет путешествовать по территории бывшего СССР²⁵), но это знания, полученные из реальной жизни, т. е. знания более ценные, поскольку проверенные опытом [15, s. 147–149]. Построенный с таких позиций образ России и россиян призван не столько показать, какова реальность, сколько удивить и ошеломить или разбудить воображение любителей экстремальных приключений.

Мариуш Вильк – открыватель. Особую парадигму описания России через опыт, а не наблюдение выбрал М. Вильк. Однако это опыт иного рода, чем у Хуго-Бадера. Это проживание²⁶ и сосуществование, описание изнутри. Вильк не ездит по России – он решает в ней поселиться. Автор решительно отбрасывает идею путешествия по России, выбранную Капуцинским и Хуго-Бадером, поскольку, по его мнению, таким способом невозможно постичь

ее разнообразия, можно только подтвердить уже усвоенные выводы: «Намерение охватить весь СССР, от края до края, таит в себе риск на самом деле не увидеть ничего, особенно того, что находится в середине (в глубинке). Например, деревню постсоветской эпохи, которая в “Империи” вообще отсутствует. Своей простотой метод Капуцинского напоминает подход туриста: пару дней тут, пару там, из каждого медвежьего угла – глава-кадр, словно слайд на память. Естественно, у первоклассного писателя и картинки подобного рода получаются превосходно, но... какую цель преследует автор? Создание комикса об Империи?»²⁷

Первые 10 лет Вильк провел на Соловецких островах – они описаны в «Волчьем блокноте», затем он поселяется в Карелии, где созданы две следующие книги – «Волок» и «Дом над Онего». В каждом из этих мест он ведет поиски российской сути. Результаты поисков весьма неожиданны. Автор находит следы архаичных культур (саамов, карел, лопарей), познает их быт, видя их ярче, чем современную цивилизацию. В его описании деформируется та Россия, которую мы знаем, точнее, стереотипное о ней представление. Север, т. к. автор «Волока» пишет главным образом о нем, оказывается философией жизни, способом переживания и усвоения российской действительности.

Вильк не инспектирует Россию, как Капуцинский, не ищет впечатлений, как Хуго-Бадер, –

²³*Hugo-Bader J. Op. cit. S. 11.*

²⁴Например: «...русские мрут на дорогах как мухи. В 2007 году жизнь на них потеряли более 33 тысяч человек, столько же, сколько во всем Евросоюзе, в котором проживает народу в три с половиной раза больше, а машин в шесть раз больше»; «статистически на сотню жителей Российской Федерации приходится один милиционер. В четыре раза больше, чем в Польше»; «В 1967–1987 гг. в СССР было более двух миллионов человек, которых по политическим мотивам сочли психически больными и пролечили». См.: *Hugo-Bader J. Op. cit. S. 19, 29, 37.*

²⁵В частности, после покупки машины нужно ее «обмыть», выпив с продавцом, а пустые жестянки в тайге лучше всего бросать в костер, а сожженные оставить, т. к. после одной зимы они рассыплются в прах. См.: *Hugo-Bader J. Op. cit. S. 17, 340.*

²⁶Свою стратегию М. Вильк декларирует, используя в качестве эпиграфа к «Волчьему блокноту» строки из стихотворения Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – / В Россию можно только верить», где последнее слово «верить» он заменяет на «пережить», т. е. заменяет веру переживанием. *Вильк М. Волчий блокнот / пер. И. Адельгейм. М., 2006. С. 6.*

²⁷*Вильк М. Волчий блокнот. С. 60.*

он поселяется в России и исследует ее как этнограф, с широко открытыми глазами, но вооруженный теорией (почерпнутой из книг) и методикой. Его метод можно назвать аналитическим, или, точнее, синекдохическим. Соловецкие острова становятся для Вилька образом всей постсоветской России по принципу *pars pro toto*: «Человеческий взгляд здесь способен охватить процессы, которые там, в России, происходят на огромных территориях и потому плохо уловимы. На Соловках страну видно, будто на ладони, в миниатюре»²⁸.

Описание Вилька подробно, обстоятельно, он концентрируется на деталях, но выбирает их так, чтобы в них фокусировалась определенная проблема или явление: «Деталь – основа документальной прозы, при условии, что тщательно подобрана и способна, подобно линзе, сфокусировать проблему или явление. В противном случае она утомляет и, вместо того чтобы сгустить краски, только размывает картину»²⁹. Вильк живет на Соловках, где находился самый первый советский лагерь – Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), а в царские времена – одна из самых тяжелых тюрем для политических заключенных, но он не концентрируется на трагической истории места. Автор уделяет столько же внимания материальному и ментальному наследию лагерей, сколько и современной жизни на островах, их архитектуре, культовым местам, вере, монашеской жизни. Он углубляется в историю, комментирует то, что другие написали о России, подчеркивает их предвзятость и повторение стандартных схем.

Сам Вильк, чтобы выйти за стандартные схемы и описать «подлинную» Россию, начинает с поиска соответствующего языка. Он принимает как данность то, что язык и действительность неразрывно связаны друг с другом, а общественное устройство отражается в языке

и остается в нем, потому представление, которое этого не учитывает, несет в себе дефект: «Мне пришлось прожить в России два года, пока до меня не дошло, что иностранец не может понять этой страны, думая о ней и рассуждая на своем языке. Тогда я понял, что российскую действительность следует постигать через “ruski” язык, а только потом, прожив тут какое-то время, чтобы испытать слова на себе, пробовать этот опыт перевести на польский язык. Уже начав писать, я заметил, что некоторые “ruskie” слова, хотя им и соответствует польское слово, говорят о другом опыте, о другом мире»³⁰.

Поэтому Вильк не пытается описать Россию только по-польски. Он использует слова, архаичные для польского языка, включает в свой текст русицизмы, изменяет порядок слов в предложении, задействуя то польский, то русский язык, изобретает слова, которых нет ни в польском, ни в русском, но которые понятны, поскольку отвечают правилам русской и польской грамматики, например «kaźnić» («пытать» – от «kaźnia», рус. «казнь»), «żużyć» («жужжать»), «przykocować» («прикочевать»), «rosiepleć» («потеплеть»), «tropa» («тропа»). Последнее слово – «tropa» – особенно важно: «Русская тропа восходит к старой форме <тропать> – топтать. То есть тропа – это дорожка, протоптанная человеком или зверем»³¹. В то же время это слово отсылает к польскому «trop» («след», «преследование») – «хождение по чьему-то следу». Тропа, которую человек должен протоптать себе сам, которая противопоставляется дороге, которая дана и по которой человек идет вслед за другими, – это важная категория в нарративе Вилька о России. Тропа становится метафорой концепции открытия России в литературе. Она означает отклонение от проторенных путей, побег от того, что незыблемо, что дано раз и навсегда: «Соловецкие тропы можно читать бесконечно, блуждать по ним в поисках истины

²⁸Вильк М. Волчий блокнот. С. 17.

²⁹Там же. С. 60.

³⁰Там же. С. 239–240.

³¹Вильк М. Волок. С. 139.

(вот только где она?), гулять, мудрствовать, собирать травы, камни или березовые ветки для бани. Можно брести по ним с молитвой <...> или же затеряться в переплетении тропинок и озер, в путанице времени настоящего и прошлого, словно живущего в отражениях, в отголосках. <...> Потому что действительность, в сущности, не дана нам раз и навсегда, но дается постоянно, непрерывно – становится на наших глазах»³².

Вильк познает Россию, странствуя, бродя без определенной цели, т. е. не для того, чтобы что-то доказать, чтобы подтвердить знание, которое уже получено, но для того, чтобы открывать. Эти странствия происходят не только в пространстве, но и во времени, ведут в прошлое: Вильк рассказывает о давно ушедших цивилизациях, возвращается к древним племенам (открывает культуру саамов). Это странствия по книгам и путешествие вглубь себя. Опыт другой культуры позволяет писателю вести поиски собственной идентичности. Вильк становится исследователем не только других культур, но и собственного внутреннего мира.

В описаниях Вильк старается сохранить эмпатию и нейтралитет, несмотря на то, что ему известно, что на каждого наложен отпечаток приобретенных знаний, у каждого есть сознание истории и экзистенциальных склонностей, но ему также известно, что возможно добросовестное исследование и объяснение культуры России – без предрассудков и желания ее присвоить. В этом ярко выражен способ мышления о Другом в духе философии диалога Мартина Бубера [16]. Для Бубера диалог как форма коммуникации есть плод встречи с другим человеком, которого Бубер называет «Ты». Встреча дает возможность вступить в подлинное отношение «Я» и «Ты», а значит, такое, где другой человек является нам не как объект наблюдения, а как субъект, воспринимаемый как целостная сущность. Диалог не предстает присвоением или господством – он основан на

двойственном движении: парадистанцировании и отношениях [17, s. 52–53]. Парадистанция – это признание первоначальной, фундаментальной дистанции, признание того факта, что Ты являешься Тем. Как сформулировал это Бубер, подлинный разговор, а тем самым подлинное совершение отношения между людьми, означает принятие инаковости, т. е. обращение к кому-то как «Ты» должно быть основано на подлинном признании его отдельности и сущности, окончательно сформированной, представляющей определенную позицию. Позицией, исключаящей диалог, выступает объективизирующая позиция, когда Ты сходит до уровня Оно. Там, где появляется объективизация, исчезает партнерская позиция и о диалоге не может быть речи [18, s. 55–56].

Вильк, занимая по отношению к миру диалогическую позицию, отказывается воспринимать мир как предмет, который можно использовать, и выбирает позицию отношения, индикатором которой становится другой человек, чье «Лицо», говоря языком Эммануэля Левинаса [19], следует увидеть и открыться ему. Для Вилька люди, встречающиеся ему в мире, на его пути, открывают его смыслы. Это они оказываются окном в мир, потому писатель, строя отношение, не остается снаружи, а позволяет пригласить себя внутрь. Он не путешествует вдоль и поперек, но направляется в глубь России, старается дойти до ее глубоко укрытых, неизвестных пластов. В результате, как пишет Моника Вуйчак, «Россия, которую мы узнаем [из книг Вилька], становится не столько цветной мозаикой, предстающей внешнему и поверхностному взору, сколько приглашением к духовному, культурному и интеллектуальному приключению» [20, s. 301].

Вильк является открывателем – он ищет правду о России, воссоздает Россию и в то же время создает ее в языке: «...в этом дневнике <...> я не только занимаюсь любимым делом – забавляюсь словами <...>, но еще и выстраиваю собственную реальность, словом –

³²Вильк М. Волчий блокнот. С. 41, 225.

одновременно создаю и воссоздаю действительность»³³.

Вильк не ставит перед собой задачу сформулировать определение России, не дает ответы на вопросы: какова Россия и куда она движется? Он не ставит диагноз, поскольку воспринимает Россию не как объективную сущность, существующую прежде познания, но как процесс, незрелую сущность. Он убежден, что для того, чтобы узнать Россию, необходимо построить собственный нарратив о ней. Поэтому он описывает свой опыт России, и такое описание убеждает читателя, что он, читатель, в общем-то, мало что знает о России, ее религиозных традициях, обычаях и культуре.

Каждый из представленных писателей занимает свою позицию по отношению к предмету описания. Капуцинский приезжает в Россию

с готовым нарративом, Вильк стремится вглубь, впитывая в себя место, Хуго-Бадер перемещается быстро, смотрит поверхностным взглядом, выхватывает первые впечатления, которые могут быть ошибочными. Несомненно, образ России, представленный в польской литературе, характеризуется некоторой амбивалентностью: с одной стороны, видны попытки показать его иным – новым – способом, а с другой – в нем постоянно повторяются одни и те же, давно существующие стереотипные черты. Можно задать вопрос: произошло ли в течение последних 30 лет переосмысление польских представлений о России? И ответ на него, скорее всего, будет отрицательным. Разумеется, попытки, в частности в книге М. Вилька, видны, но этого все же слишком мало, чтобы пересмотреть стереотипы и сформированные веками схемы мышления о России.

Список литературы

1. *Czapliński P.* Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016. 416 s.
2. *Офицеров-Бельский Д.В.* Трансформация образа России в современной польской периодике // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Рос. и зарубеж. филология. 2014. Вып. 4(28). С. 214–219.
3. *Третьяков С.* Что нового // Новый ЛЕФ. 1928. № 9. С. 1–5.
4. *Чужак Н.* Литература жизнестроения (Теория в практике) // Новый ЛЕФ. 1928. № 10. С. 2–17.
5. *Maziarski J.* Anatomia reportażu. Kraków: Literackie, 1966. 209 s.
6. *Kąkolewski K.* Reportaż // Słownik literatury polskiej XX wieku / red. A. Brodzak, M. Puchalska, M. Szemczuk, A. Sobolewska, E. Szary-Matywiecka. Wrocław, 1996.
7. *Czerwińska M.* Badania nad prozą niefikcyjną // Wiedza o literaturze i edukacja / red. T. Michałowska, Z. Goliński, Z. Jarosiński. Warszawa: Instytut Badań Literackich, 1996. S. 436–449.
8. *Zajas P.* On the Nature of an Ordinary Bug: A New Perspective on Non-Fiction Research // Teksty Drugie. 2014. № 2. S. 13–29.
9. *Lejeune P.* Pakt autobiograficzny // Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja. 1975. № 5. S. 31–49.
10. *Kapuściński R.* Autoportret reportera. Kraków: Wydawn. Znak, 2006. 143 s.
11. *Lisle D.* The Global Politics of Contemporary Travel Writing. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. 299 p.
12. *Gajlewicz M.* Techniki perswazyjne. Podstawy. Warszawa: Difin, 2009.
13. *Waldstein M.* Observing *Imperium*. A Postcolonial Reading of R. Kapuscinski's Account of Soviet and Post-Soviet Russia // Soc. Identities. 2002. № 3. P. 481–499.
14. *Zajas P.* Zagubieni kosmonauci. Raz jeszcze o Imperium Kapuścińskiego i jego krytykach // Teksty Drugie. 2010. № 3. S. 218–231.
15. *Horolets A.* Dyskursywne konstruowanie podmiotu wiedzącego w wybranych relacjach z podróży // Teksty Drugie. 2012. № 3. S. 134–156.
16. *Бубер М.* Я и Ты / пер. В.В. Рынкевича // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 15–92.

³³*Вильк М.* Дом над Онего. Северный дневник / пер. И. Адельгейм. СПб., 2012. С. 102.

17. Kłoczowski J. A. *Filozofia dialogu: W drodze*. Poznań, 2005.
18. Jantos M. *Filozofia dialogu. Źródła, zasady, adaptacje*. Kraków: Wydawn. Oddziału Polskiej Akademii Nauk, 1997. 87 s.
19. Levinas E. *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence*. Livre de Poche, 2008.
20. Wójciak M. *Tropa, czyli rosyjskie peregrynacje Mariusza Wilka // Topografia tożsamości / red. A. Firlej, W. Józwiak*. Poznań, 2012. T. 2. S. 291–302.

References

1. Czapliński P. *Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku*. Cracow, 2016. 416 p.
2. Ofitserov-Bel'skiy D.V. Transformatsiya obraza Rossii v sovremennoy pol'skoy periodike [Transformation of the Image of Russia in the Modern Polish Periodicals]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2014, no. 4, pp. 214–219.
3. Tret'yakov S. Chto novogo [What's New?]. *Novyy LEF*, 1928, no. 9, pp. 1–5.
4. Chuzhak N. Literatura zhiznestroeniya (Teoriya v praktike) [The Literature of Life-Building (Theory in Practice)]. *Novyy LEF*, 1928, no. 10, pp. 2–17.
5. Maziarski J. *Anatomia reportażu*. Cracow, 1966. 209 p.
6. Kąkolewski K. Reportaż. Brodzak A., Puchalska M., Szemczuk M., Sobolewska A., Szary-Matywiecka E. (eds.). *Słownik literatury polskiej XX wieku*. Wrocław, 1996.
7. Czermińska M. Badania nad prozą niefikcjonalną. Michałowska T., Goliński Z., Jarosiński Z. (eds.). *Wiedza o literaturze i edukacja*. Warsaw, 1996, pp. 436–449.
8. Zajas P. On the Nature of an Ordinary Bug: A New Perspective on Non-Fiction Research. *Teksty Drugie*, 2014, no. 2, pp. 13–29.
9. Lejeune P. Pakt autobiograficzny. *Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja*, 1975, no. 5, pp. 31–49.
10. Kapuściński R. *Autoportret reportera*. Cracow, 2006. 143 p.
11. Lisle D. *The Global Politics of Contemporary Travel Writing*. New York, 2006. 299 p.
12. Gajlewicz M. *Techniki perswazyjne. Podstawy*. Warsaw, 2009.
13. Waldstein M. Observing *Imperium*: A Postcolonial Reading of R. Kapuscinski's Account of Soviet and Post-Soviet Russia. *Soc. Identities*, 2002, no. 3, pp. 481–499.
14. Zajas P. Zagubieni kosmonauci. Raz jeszcze o Imperium Kapuścińskiego i jego krytykach. *Teksty Drugie*, 2010, no. 3, pp. 218–231.
15. Horolets A. Dyskursywne konstruowanie podmiotu wiedzącego w wybranych relacjach z podróży. *Teksty Drugie*, 2012, no. 3, pp. 134–156.
16. Buber M. Ya i Ty [I and Thou]. Buber M. *Dwa obrazy very* [Two Types of Faith]. Moscow, 1995, pp. 15–92.
17. Kłoczowski J. A. *Filozofia dialogu*. Poznań, 2005.
18. Jantos M. *Filozofia dialogu. Źródła, zasady, adaptacje*. Cracow, 1997. 87 p.
19. Levinas E. *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence*. Livre de Poche, 2008.
20. Wójciak M. *Tropa, czyli rosyjskie peregrynacje Mariusza Wilka*. Firlej A., Józwiak W. (eds.). *Topografia tożsamości*. Poznań, 2012. Vol. 2, pp. 291–302.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.41

Barbara Sobczak

Adam Mickiewicz University;
ul. Wieniawskiego 1, 61-712, Poznań, Republic of Poland;
e-mail: bsobczak@amu.edu.pl

Monika Wójciak

Adam Mickiewicz University;
ul. Wieniawskiego 1, 61-712, Poznań, Republic of Poland;
e-mail: monika8@amu.edu.pl

IMAGES OF RUSSIA: STRATEGIES FOR WRITING ABOUT RUSSIA IN CONTEMPORARY POLISH LITERARY REPORTAGE

In Poland, the notion of Russia triggers a comprehensive and diverse – but above all, emotionally charged – system of ideas and conceptual associations. It is partly due to literary images. As a result of the complicated Polish-Russian relations, both Russia and Russians have been the focus for Polish writers for many centuries now. Throughout the last thirty years, the issue has been especially investigated by reporters, who try to understand and describe it. An analysis of the texts of three authors – Ryszard Kapuściński, Jacek Hugo-Bader, and Mariusz Wilk – allows us to identify the ways in which Polish authors write about Russia. These schemes mainly stem from the writer's attitude towards the world. These include 1) the attitude of an inspector – someone who comes to Russia in order to verify, or rather, to solidify their beliefs about the world; 2) the attitude of a searcher, that is, someone who wanders from place to place looking for people, sensations and emotions; 3) the attitude of an explorer, for whom Russia is a reality in which one must first immerse themselves in order to explore and describe it. These attitudes are linked to specific strategies of writing about Russia. Choosing the reportage was not a random decision. Due to its documentary nature, the requirement of objectivity and fidelity to the subject of the narrative, the reportage is treated by the recipients as an important and reliable source of information. The polemical capacity towards such broadcasts disappears, making them an effective tool for creating images of the world.

Keywords: *Polish reportage, Polish-Russian relations, images of Russia, narrative, inspector, searcher, explorer.*

Поступила: 02.12.2019

Принята: 21.01.2019

Received: 2 December 2019

Accepted: 21 January 2019

For citation: Sobczak B., Wójciak M. Images of Russia: Strategies for Writing About Russia in Contemporary Polish Literary Reportage. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 3, pp. 41–54. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.41